

УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Туркм. / Под ред. П. А. Красикова. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. – 712 с.

8. НИАБ. – Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 6.

9. Спасенкова, И. В. Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг.: На материалах Вологды : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.11 / И. В. Спасенкова ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 1999. – 326 л.

10. НИАБ. – Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 16.

11. НИАБ. – Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 61.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ
СВЯЩЕННИКА-ЭСПЕРАНТИСТА
ИННОКЕНТИЯ СЕРЫШЕВА:
В ОПОЗИЦИИ К ПРАВОСЛАВИЮ**

*С. Н. Баконина
(Москва, Россия)*

Имя одного из участников революционного движения в России, священника Русской Православной Церкви, эсперантиста Иннокентия Николаевича Серышева когда-нибудь обязательно займет свое место среди таких представителей российского либерального духовенства XX века, как священники Григорий Петров, Георгий Гапон и их менее известные последователи. Честолюбивый и амбициозный, склонный к авантюризму и демагогии, плодовитый публицист, интересный лектор и оратор, способный увлечь слушателей своими речами, он считал себя «гражданином мира», человеком, не привязанным ни к какой стране и ни к какой религии. Он был революционером!

Священник-эсперантист – как особый тип церковного модерниста пока мало известен исторической науке, поэтому личность Иннокентия Серышева, безусловно, заслуживает внимания исследователей, главным образом потому, что он был не просто народным

просветителем или независимым политиком, а священником Русской Православной Церкви, взгляды и принципы которого опирались не на христианское мировоззрение, а на принципы эсперанто.

Как известно, эсперанто – это искусственный язык, созданный для международного общения, который был признан языком интернационала. Создатель эсперанто врач-офтальмолог Людвиг (Лазарь) Заменгоф родился в 1859 г. в Белостоке, где жил до 14-летнего возраста. Затем семья переехала в Варшаву, откуда Лазарь в 1879 г. уехал в Москву, поступив там на Медицинский факультет Московского университета. В 1881 г. он перевелся в Варшавский университет, который окончил в 1885 г.

Его первый учебник с описанием основных 16 правил эсперанто с приложением словаря вышел в 1887 г. на русском языке. В том же году он был переведен на польский, французский и немецкий языки, на следующий год – на английский, а к 1891 г. был опубликован уже на 17 языках. Среди эсперантистов этот учебник известен как «Первая книга» (*Unua libro*).

В октябре 1893 г. Заменгоф переехал в Гродно, где открыл офтальмологический кабинет. Помимо частной врачебной практики он участвовал в работе Общества врачей Гродненской губернии, был присяжным заседателем окружного суда. [12] В Гродно доктор Заменгоф начал издавать журнал «Эсперантист», писал для него статьи, редактировал, составлял опросники для читателей, публиковал собственные переводы на эсперанто классической литературы. В частности, он перевел и опубликовал в «Эсперантисте» статью Л.Н. Толстого «Вера и благоразумие», после чего ввоз журнала в Россию, где проживало большинство его подписчиков, был запрещен. В 1895 г. журнал был закрыт. Через два года Заменгоф с семьей вернулся в Варшаву и поселился там в небольшом еврейском квартале.

Созданный Заменгофом новый язык был не просто средством общения, автор рассматривал его как способ распространения идей, и,

прежде всего, идеи мирного сосуществования различных народов, культур, религий. Для этого Заменгоф даже разработал основанное на экуменических принципах особое религиозно-философское учение, назвав его «гомаранизм» («homaranismo»).

Язык эсперанто покорило многие страны. Охватило это увлечение и Россию. Однако отношение к нему не всегда было восторженным. Так, например, одним из тех, кто понял суть подобного начинания, был поэт Андрей Белый. Он указал на эсперанто как на главный критерий созревающей в России «прогрессивно-коммерческой» или «штемпелеванной» культуры, основателей которой назвал «пионерами-интернационалистами», строителями «международного базара искусства» («нечто среднего из искусств всех наций»).

Эсперантизм как явление – это, по Андрею Белому, не что иное как скрытая форма «юдоизации», стремление «интернационалистов» (евреев) унифицировать все мировые культуры, лишив их национальной самобытности и приспособив к нуждам своих собственных задач, по большей части коммерческих и весьма далеких от культуры как таковой. Исполнителями этой миссии стали, по выражению поэта, представители «нового типа культуртрегера», которые занялись поглощением чужих культур «с приложением своего штампа». При этом он не клеймил евреев как народ, а лишь выделил характерную для сложившейся ситуации тенденцию, связав ее с неравноправием евреев в России и их стремлением проявить себя «в области, где юридически они могут выступать как равноправные». Об этой работе в предреволюционной России поэт писал:

«Кто же эти посредники между народом и его культурой в мире гениев? Кто стремится “интернациональной культурой” и “модерн-искусством” отделить плоть нации от ее духа, так, чтобы плоть народного духа стала бездушна, а дух народный стал бесплоден? Кто, кто эти оскопители?»

Странно и страшно сказать, но приходится. <...> Главариами национальной культуры оказываются чуждые этой культуре люди; конечно,

не понимают они глубин народного духа в его звуковом, красочном и словесном выражении. И чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек, и далее: всему оригинальному, идущему вне русла эсперанто и бессознательно (а иногда и сознательно), объявляется бойкот». [2]

Священник Иннокентий Серышев впервые познакомился с международным языком эсперанто в 1909 г., когда к нему в руки попала брошюра доктора Л. Заменгофа. Она произвела на него столь сильное впечатление, что он долго не мог успокоиться и загорелся желанием непременно освоить этот язык. Следует отметить, что отец Иннокентий не был образцом священнослужителя, и столь странное для православного священника увлечение вполне отвечало его революционным взглядам, сформировавшимся в более ранние годы и отвечавшим устремлениям эгоистичной и своевольной натуры Серышева.

Иннокентий Серышев родился 15 августа 1883 г. в Забайкалье. Он был сыном священника Николая Дмитриевича Серышева и купеческой дочери Елизаветы Семеновны Сибиряковой. Кроме Иннокентия в семье было две дочери. Его отец, человек мягкосердечный, бессеребренник, отличавшийся глубокой религиозностью и преданностью Церкви, принял священнический сан в 19 лет и тогда же получил большой казачий приход в станице Большая Кудара, что в 40 верстах от Кяхты. Паства его любила, церковноначалие уважало, и только в семье священнослужителя не все складывалось благополучно. В силу сложившихся обстоятельств, отец Николай не сумел воспитать своих детей в духе православного благочестия.

Одной из причин разрушения устоявшихся традиций патриархальной семьи послужило следующее обстоятельство. В 1898 г., когда Иннокентий учился в шестом классе реального училища в г. Троицкосавске, где жила семья его матери, отец Николай был назначен членом Консистории и переехал в Читу, оставив сына на попечение дяди Сибирякова. Как впоследствии писал Серышев в своей

автобиографии: «дядя был холостой охотник забулдыга, и я пользовался у него свободой. Научился рано курить и пить» [6, л. 17 а]. Кроме того, как говорится в той же автобиографии: «с раннего детства [Иннокентия] интересовали вопросы Религии, Психологии, Философии и Математики <...>. Вопросы бытия, времени, пространства, материи, нуменов и феноменов, высших измерений: вот сфера его интересов в течение всей его жизни» [6, л. 1]. Сюда же впоследствии прибавятся оккультизм и теософия.

В 1900 г. Иннокентий окончил училище с правом безконкурсного поступления в только что открывшийся Томский Политехнический институт. На второй курс Иннокентий перешел легко, но женившись в 1902 г., запустил занятия и был вынужден остаться на втором курсе на второй год. Затем, сдав половину экзаменов на третий курс, он вдруг решил оставить учебу и поступил на службу в Контроль железной дороги в Томске. Причину он объяснил утратой интереса к изучению технических наук. Что же касается его взглядов в этот период, то Серышев утверждал, что политикой не занимался и не был атеистом, хотя «и в церковь ходить перестал и много либеральничал».

Однако именно в эти годы начинается его увлечение революционными идеями и уже в 1904 г., во время Русско-японской войны, он занимается антивоенной пропагандой среди солдат. По этой причине в 1906 г. Иннокентий Серышев оказался в тюрьме. Просидев семнадцать дней в одиночке, он, по собственному признанию, первый раз в жизни полностью прочитал Евангелие, и как говорится в его автобиографии, «сделал полную переоценку ценностей, критически отнесся к своему поведению». В тюрьме молодой человек (ему было 23 года) дал своеобразный обет: в случае освобождения «бросить пить и курить, и идти в народ служить в качестве священника» [6, л. 17 а].

После освобождения, случившегося благодаря хлопотам жены, которая взяла его на поруки за 400 рублей, он отправился к архи-

епископу Алтайскому Макарию (Невскому) . Представившись студентом, отсидевшим в тюрьме по ложному обвинению и пережившего там душевный переворот, Серышев рассказал ему о своем обете «стать иереем и служить народу не на словах, а на деле». Святитель Макарий ответил: «три года прослужите сел[ьским] учителем, три года псаломщиком, три года дьяконом, а затем и священство» [6, л. 17 а]. Тогда Серышев, которого такая перспектива не устраивала, обратился к отцу с просьбой поговорить с правящим архиереем.

В результате, благодаря хлопотам отца и помощи епископа Читинского Мефодия (Герасимова), в том же году Иннокентий был рукоположен сначала в диакона, а через неделю во иерея (январь 1906 г.). Однако, прослужив три года, он, несмотря на свое обещание не заниматься политикой, начал писать статьи против «Союза Русского Народа» и «Союза Архангела Михаила». Епископ Мефодий был вынужден отправить отца Иннокентия за штат, поскольку это была единственная возможность защитить молодого священника от более строгого наказания – лишения сана.

В этой странной истории (скорое рукоположение совершенно не готового к принятию священного сана кандидата и дальнейшая о нем забота) главную роль сыграло отношение архиерея к семье Серышевых, желание поддержать уважаемого в епархии пастыря, каким был отец Николай. Сам же владыка Мефодий впоследствии признавался, что в период революции 1905 г. он вставал на защиту некоторых священников, обвиненных в политической неблагонадежности, за что его сочли недостаточно твердым и «держали в залоге» [13, с. 363].

В 1910 г., уже имея представление о языке эсперанто, отец Иннокентий отправился вместе с женой в поездку в Крым. Остановившись по пути в Славянске-на-Кубани, он встретился там с некоей немецкой бонной, которая подарила ему учебник по эсперанто. В своей автобиографии Серышев указал, что именно в Славянске он впервые начал изучать эсперанто и написал на нем несколько писем за грани-

цу. Через несколько месяцев он получил ответ из Австралии, и с тех пор началась его обширная переписка с эсперантистами.

Вернувшись в Читу, заштатный священник Серышев получил место учителя в двухклассной церковноприходской школе. Свои симпатии к революционным идеям и социалистическим лозунгам он не скрывал и вскоре написал очередную статью в журнал «Красный звон», за что получил довольно мягкое наказание – по хлопотам отца был отправлен для исправления на месячное безочередное служение в Селенгинский монастырь. Затем он снова получил приход, но теперь уже далеко в глубинке, в селении Шергольджин на границе с Монголией, где числился три года. Прибыв в Шергольджин, он упрямил своего отца, который приехал туда вслед за ним, «заменить» его на приходе, а сам, получив у епископа Мефодия разрешение на поездку на Афон, отправился «в отпуск» за границу вместе с одной из своих сестер, тоже эсперантисткой. Во время этого четырехмесячного путешествия они посетили Германию, Бельгию, Англию, Францию, Италию, Швейцарию, Австро-Венгрию, Константинополь. Тогда же отец Иннокентий побывал на Афоне. Любопытно, что об этом посещении, столь важном для каждого православного паломника, он не выразил в своих воспоминаниях никаких впечатлений, зато о поездке по названным городам с гордостью написал, что активно пользовался языком эсперанто.

Интересы отца Иннокентия по-прежнему были далеки от Церкви, зато общение с эсперантистами увлекало его все больше и больше. Так, в одном только 1911 г. отец Иннокентий переслал за границу 700 эсперантских открыток. Среди них написанная 1 августа 1911 г. открытка в Англию, отправленная на следующий день из Красного Яра (Забайкалье) в Уимблдон (Англия). Открытка была получена адресатом 31 августа, на ней был указан номер – «№ 1», т.е. это было первое послание Серышева некоему г-ну Хайду, в котором автор знакомился с адресатом и рассказывал о себе [14]. Там же отец

Иннокентий упоминал свое эссе, составленное в декабре 1910 г. и опубликованное в английском эсперантском журнале [18]. В нем Серышев писал о своем изучении эсперанто во время поездки с сестрой в Европу – Брюссель, Лондон, Париж. Рассказывая в эссе о встречах с эсперантистами из разных стран, он откровенно заявил, что разделяет мнение «японского министра», что «эсперанто – это новое евангелие человечества». Здесь же он описал свое знакомство с бельгийским аббатом Остином Ричардсоном.

В своих эсперантских писаниях Иннокентий Серышев фактически отказался от традиционных православных взглядов и открыто высказался о родстве всех религий, что дает основание говорить о возможной принадлежности отца Иннокентия к масонству (это подтверждает и ряд его писем, в которых присутствует масонская символика и обращение к адресатам как к «братьям»). С точки зрения православия, равенство между Православной Церковью и другими «христианскими деноминациями» невозможно, а если считать их также родственными другим религиям, то это уже путь к созданию синкретической мировой религии, что является целью масонской идеологии. [15, с.16]

В 1914 г. умер отец Николай Серышев, и его сын, священник Иннокентий Серышев, оказался в Томской епархии, куда в декабре 1912 г. был переведен епископ Мефодий (с августа 1914 г. покровитель семьи Серышевых уже епископ Оренбургский и Тургайский). Владыка Мефодий настоял на возвращении отца Иннокентия к священническим обязанностям, и до 1917 г. он сменил три прихода.

После Февральской революции Серышев снова вышел за штат и по приглашению Барнаульских кооператоров устроился секретарем в Культурно-просветительный отдел при Кредитном и Потребительном кооперативных союзах, впоследствии преобразованном в самостоятельный Культурно-просветительный союз Алтайского края. Летом 1918 г. он стал секретарем при внешкольном Отделе народного

образования Каракорум-Алтайского уездного земства. В сентябре 1919 г. эвакуировался в Бийск и затем выехал в Томск, где смог получить от Министерства народного просвещения «безденежную командировку в Японию и Америку для ознакомления с постановкой там дела народного образования». Без денег, с большим трудом он два месяца добирался до Владивостока, откуда местные эсперантисты помогли ему уехать в Японию.

Прибыв в Японию в декабре 1920 г., Серышев сразу же направился в общество эсперантистов – среди японцев он уже имел много знакомых по переписке. В Японии Серышев прожил два с половиной года – учил язык, ходил по школам, изучая начальное образование сначала с помощью японских эсперантистов, а позже самостоятельно. Двести верст он прошел один пешком по селам и городам, собирая «материал по школьному делу» (в основном это были детские рисунки), читал в японских эсперантских обществах лекции на эсперанто [6, л. 176].

Начальник Русской Духовной Миссии в Японии епископ Сергей (Тихомиров) поначалу принял Серышева также, как принимал других священников-беженцев, т.е., по словам самого отца Иннокентия, довольно хорошо. Поселился отец Иннокентий, по упорному своему настоянию, на территории Миссии, в сторожке при Токийском соборе, однако одеваться и жить стал по-японски. В церкви почти не бывал и занимался в основном распространением эсперанто [9, кат. 1]. Однажды в японской газете «Дзи-дзи» появилась статья под названием «Не красная ли пропаганда!», в которой описывалось, как какой-то русский в японском кимоно, с распущенными волосами, посетил одного из лидеров русских коммунистов, проживавшего в Яманоте. Странный русский был арестован и взят на допрос в полицию. При обыске японские полицейские заметили в рукаве задержанного эсперантскую листовку с изображением зеленой пятиконечной звезды. Решив, что это красная пропаганда, они немедленно обратились за

инструкцией в иностранный отдел кена. После разбирательства Серышев был отпущен, но оказался под надзором местной полиции.

Помощь отцу Иннокентию в Японии стал оказывать один из соотечественников – настоятель посольской церкви в Токио протоиерей Петр Иванович Булгаков. Человек с непростым характером, либерал по взглядам Булгаков всячески содействовал своему новому другу в его попытках устроиться служить в какой-либо миссийской церкви, «не оставляя при этом эсперантской работы». Но владыка Сергей довольно скоро и не без оснований стал относиться к отцу Иннокентию как к авантюристу, выдававшему себя за священника [3, л. 10]. Вскоре Серышев, по требованию Консистории, был выселен из сторожки, и на несколько месяцев его приютила буддийская семья, глава которой, адвокат Манадзаки, был японским социалистом.

В марте 1922 г. покровитель отца Иннокентия архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов), также оказавшийся в эмиграции, был избран главой новообразованной Харбинской епархии (Маньчжурия), подчинявшейся Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). В начале июля в Харбин перебрался и отец Иннокентий Серышев, получив там должность законоучителя в 1-й начальной Новгородской железнодорожной школе. Иногда отец Иннокентий сослужил архиепископу Мефодию в соборе, но чаще получал от него выговоры за то, что по своей давней привычке пропускал службы. Затем Серышев занял место законоучителя в Коммерческом училище Бреева. Одновременно ему удалось устроиться набирать и печатать в «домашней» типографии Учебного отдела, в которой он работал, главным образом, для эсперанто.

Став членом Правления Общества эсперантистов, отец Иннокентий писал и издавал листовки, которые эсперантисты разносили по Харбину, публиковал статьи в харбинских газетах, читал лекции. По улицам ходил в светском костюме, носил эсперантский знак – зеленую звезду. «Все это вызывало немало толков, – вспоминал Серы-

шев, – но никаких вредных последствий для меня не имело. Владыка Мефодий защищал меня от атак некоторых духовных зилотов, сам сочувствуя делу эсперантизма» [9, кат. 1].

В Харбине Серышев не терял связь с протоиереем Петром Булгаковым – переписывался с ним, высылал ему газеты и помогал в переправке писем в Россию и харбинским адресатам отца Петра. Важно отметить, что Петр Иванович Булгаков претендовал на звание главы дальневосточной церковной оппозиции за границей и искал себе идейных соратников. По собственному признанию священника, его замыслы простирались до «великой церковной реформации», хотя о своей роли в этой борьбе он скромно писал: «Я стараюсь только подготавливать почву для будущего реформатора Церкви» [5, л. 42 а]. В то же время деятельность Булгакова носила полуподпольный характер и сводилась, главным образом, к интригам и клеветническим статьям в эмигрантских газетах против православного духовенства. Отец Иннокентий также занимался «критикой» харбинского духовенства и все шире разворачивал свою эсперантстскую деятельность. [6, л. 11].

В этот период в Китае шло активное распространение советского влияния. В складывавшейся политической ситуации возрастало и внимание к положению церковных дел в Маньчжурии со стороны проживавших в СССР обновленцев. Опасность перехода управления Харбинской епархией под обновленческий контроль была реальна, обстановка могла измениться в любой момент.

Осенью 1923 г. дальневосточные оппозиционеры – протоиерей Петр Булгаков и священник Иннокентий Серышев – спровоцировали конфликт архиепископа Мефодия с Харбинским Епархиальным советом. Оказавшись невольным соучастником их интриг, 25 октября 1923 г. архиепископ неожиданно распустил прежний состав Совета, издав распоряжение о прекращении его деятельности и сдаче дел протоиереям Оникину и Борисоглебскому. Оба новоназначенных священника были сторонниками либеральных взглядов, а про-

тоиерей Александр Ониккин, помимо дружбы с Серышевым, имел регулярную переписку с отцом Петром Булгаковым, который летом того же года предпринял попытку вступить в ряды обновленческого духовенства [1, с. 301]. Однако получив положительный ответ с «благословением» обновленческого синода на свои труды, он передумал. Осознавая шаткость положения обновленцев в России, отец Петр объявил о преждевременности принятого решения [4, л. 28].

Длительный, тянувшийся почти год, конфликт архиепископа Мефодия с Епархиальным советом явился первым и, по сути, единственным серьезным шагом оппозиционеров на пути к созданию в Харбине обновленческой епархии, и он не принес ожидаемых результатов. Открытых сторонников обновленчества в Харбине не оказалось. Тем не менее, российские обновленцы по-прежнему надеялись распространить свою юрисдикцию на дальневосточное зарубежье, хотя опереться там им было практически не на кого.

В 1924 г. Иннокентий Серышев уехал в Пекин, где устроился преподавать эсперанто в колледже, но уже в мае 1925 г. он неожиданно вернулся в Харбин, занявшись изданием на эсперанто собственного журнала «Oriento» («Восток»). Случайно или нет, но по времени его возвращение совпало с событиями, показавшими серьезность намерений российских обновленцев обосноваться в Харбине. Об обстоятельствах их проникновения в Харбинскую епархию рассказал в своем письме главе Зарубежного Синода митрополиту Антонию (Храповицкому) архиепископ Мефодий. «Что касается живцов, – писал он, – то Владивостокский живой архиерей Смелов обнаружил поползновение основать в Харбинской епархии “живую церковь”. Сначала он прислал в Харбин свою дочь, которая заходила к моей племяннице, с которой вместе училась, но о цели своего прихода не сказала. Однако оглядевшись начала агитацию в пользу своего отца, расточая похвалы его красноречию. <...> Смелов представляет известную силу. Дочь Смелова недавно уехала к отцу и вместо нее при-

ехала какая-то старуха. Сам Смелов прислал письмо Епархиальному Миссионеру прот[оиерею] Демидову (Смелов бывший тоже миссионер), предлагая ему идти в живые архиереи» [7, л. 99–99 об.].

Однако планы обновленцев не были реализованы, обновленческие идеи в среде дальневосточной эмиграции не прижились. Харбинская епархия, находившаяся в юрисдикции РПЦЗ, преодолев напор просоветских реформаторов, продолжила свое существование в тесной связи с Зарубежным Синодом.

Не осуществили свои надежды на Дальнем Востоке и местные оппозиционеры; не найдя себе применения, они оказались далеко за его пределами. Протоиерей Петр Булгаков в поисках лучшей жизни перебрался вместе с семьей в Америку, вслед за ним Дальний Восток покинул Иннокентий Серышев. В январе 1926 г. он эмигрировал в Австралию.

Через два месяца после переезда в Сидней Серышев поступил на стекольный завод простым рабочим, после чего, по хлопотам одной местной эсперантистки, устроился подручным в пансион, где проработал 13 месяцев. Когда из Харбина приехала его семья, жена поступила в тот же пансион горничной, а сын стал помогать в саду. Вскоре Серышевы ушли из пансиона, и отец Иннокентий вернулся на стекольный завод. Через год он потерял это место и пять месяцев оставался без работы. Затем отец Иннокентий поступил «кухонным мужиком» в католический колледж, однако пробыв там всего два месяца заболел, в связи с чем снова потерял место. Наконец он устроился в женский родильный госпиталь, где прослужил шесть лет.

В поисках дополнительного заработка и мечтая о собственном деле Серышев создал в Сиднее частную «подвижную» библиотеку, назвав ее также как свой первый журнал – «Ориенто». Когда же в Сиднее появилась еще одна библиотека для эмигрантов, в Русском доме, он оказался невостребованным и был вынужден ликвидировать «Ориенто». Продав часть книг, в основном беллетристику, отец

Иннокентий тем не менее оставил несколько отделов библиотеки «для себя и избранных друзей». Нетронуты были отделы: религии, науки, востоковедения и, чего нельзя не отметить, отдел оккультизма. Оставшиеся книги были как на русском, так и на иностранных языках, по большей части на английском и эсперанто.

28 марта 1931 г. скоропостижно скончался многолетний покровитель Серышева митрополит Харбинский и Маньчжурский Мефодий (Герасимов), и по решению Зарубежного Синода во главе Харбинской епархии был поставлен возведенный в сан архиепископа Мелетий (Заборовский). Под его председательством с 17 по 19 июня в Харбине состоялось IX Епархиальное собрание, на котором среди прочего обсуждался вопрос об открытии двух новых приходов за пределами Китая – в городах Кобе (Япония) и Сиднее (Австралия). И если по поводу первого вопросов не возникало, то открытие прихода в Сиднее было более чем загадочным.

На заседании Епархиального собрания было заслушано ходатайство настоятеля священника Иннокентия Серышева о подчинении его прихода (по достоверным сведениям – несуществующего) Харбинской епархии. К ходатайству была приложена метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших прихожанах за истекшие пять лет. Свою просьбу Серышев мотивировал «хорошими путями сообщения [?! – тогда как даже сейчас, в XXI в., самый быстрый перелет на самолете из Харбина в Сидней составляет около 12 часов – прим.авт.], наличием установившейся связи между прихожанами в Австралии и их родственниками в Харбине, наличием широких возможностей к удовлетворению нужд молодого прихода» [8, л. 6]. Для решения вопроса архиепископ Мелетий направил в Зарубежный Синод доклад, в котором изложил все подробности дела.

Зачем отцу Иннокентию понадобилась эта мистификация, неясно. Работая в родильном госпитале, занимаясь своей библиотекой и пребывая в думах о поиске достойного заработка, он, возможно, и

пытался создать свой приход, только храма, места, где он мог бы служить, у него в Австралии не было.

С декабря 1934 г. Серышев начал издавать журналы: сначала «Церковный Колокол» (всего вышло 4 номера тиражом по 5–6 экземпляров), после его закрытия – «Церковь и Наука» (до и после Второй мировой войны вышло более 100 номеров). Кроме того, в разное время он выпускал такие журналы, как «Азия» (1934–1937), «Австралазия», «Путь эмигранта» с приложением «Записки кружка изучения Австралии в Сиднее» (1935–1938), «Русская культура», а также непериодический журнал «Полемический бюллетень – орган самозащиты священника Иннокентия Серышева» (1933) и др.

Несмотря на активную издательскую деятельность и широкий круг общения, отношения отца Иннокентия с русскими эмигрантами в Австралии по большей части не сложились. В основном конфликты случались по причине его своеобразного поведения. Так, служа недолгое время в сирийском храме, который посещали русские и сирийские православные, он проповедовал и читал молитвы не только по-русски (вместо церковнославянского языка) и по-английски, но и на эсперанто. На Пасху даже прочитал на эсперанто Евангелие, что вызвало резкий протест русских прихожан. От него потребовали отказаться от всяких языков, кроме богослужебного, однако он не согласился «подчиниться указке мирских лиц» и ушел из прихода, издав тогда же №1 своего «Полемического бюллетеня».

Любимым жанром Серышева как автора и издателя по-прежнему оставалась колкая критика, направленная в основном на известных в эмиграции людей, церковноначалие и обычных православных, что также накладывало отпечаток на его положение в обществе соотечественников. Неизменными его почитателями оставались по большей части эсперантисты, для которых отец Иннокентий остается значимой фигурой до сегодняшнего дня.

Священник-эсперантист Иннокентий Николаевич Серышев прожил долгую жизнь, самоотверженно трудясь над своими произведениями и утопическими проектами. Самыми тяжелыми оказались для него последние годы, когда он, не находя поддержки, постоянно пребывал в стесненных обстоятельствах [16, с. 138]. Скончался он в августе 1976 г., оставив после себя внушительный архив, позволяющий проследить не только его жизненный путь, но и историю его духовных поисков и заблуждений.

Сохранившиеся документы характеризуют его как представителя «церковных революционеров», причастных к обновленческому движению в России. Вместе с тем, политические, философские и религиозные предпочтения Иннокентия Серышева были связаны с проблемами его воспитания, с увлечением революционными идеями, с особенностями характера, скрывавшего неудовлетворенные амбиции, желание самовыражения, стремление к лидерству.

Важен и тот факт, что его путь к священнослужению не был традиционным, более того, его характер вообще не соответствовал требованиям, предъявляемым к священнику, и поэтому, подводя итог изучению формирования его взглядов, уместно процитировать одного из главных организаторов российского обновленчества профессора Б. В. Титлинова, который признавался, что значительная часть обновленческих деятелей, церковных оппозиционеров, идейные задачи ставила на второй план. По его утверждению, для людей такого типа «задачи идейного характера заслонялись задачей использования сегодняшней победы над старым церковным режимом и даже иногда жаждой отмщения за понесенные прежде обиды и несправедливости» [10, с. 5–6].

Но есть и другие критерии, указывающие на ошибки, которые отец Иннокентий и подобные ему либералы совершали на пути к религиозной свободе, другие слова и понятия, объясняющие оппозиционный настрой по отношению к родному Православию. Найти их можно у святых отцов – например, у святителя Игнатия (Брянчанинова), ска-

завшего обо всех, отпавших от истины, страдающих самообольщени-ем и увлеченных ложью: «самоумнение и гордость в сущности состо-ят в отвержении Бога и в поклонении самому себе. Они – утонченное, труднопонимаемое и трудноотвергаемое идолопоклонство» [11, с. 24].

Литература и источники

1. Баконина, С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Даль-нем Востоке в 1920–1931 гг.: На материалах Харбинской епархии / С. Н. Баконина. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2014.

2. Белый, А. «Штемпелёванная культура» / А. Белый [Электрон-ный ресурс]. URL: <https://bookriver.org/read.php?b=17504>.

3. ГАРФ. – Ф.Р-5973. – Д.118.

4. ГАРФ. – Ф. Р-5973. – Д.121.

5. ГАРФ. – Ф. Р-5973. – Д.123.

6. ГАРФ. – Ф. Р-6964. – Д.1.

7. ГА РФ. – Ф. Р-6343. – Д. 233.

8. ГА РФ. – Ф. Р-6343. – Д. 243.

9. ГАРФ. – Ф.10143. – Оп. 71. – Кат.1.

10. Григорий (Граббе), епископ. Русская Церковь перед лицом го-сподствующего зла / епископ Григорий (Граббе). – Джорданвилль, 1991.

11. Игнатий (Брянчанинов), свт. Поучение 1-е в Неделю мытаря и фарисея. Характер мытаря и фарисея // Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова). Т.4 : Аскетическая проповедь. – М. : Паломник, 2002.

12. Игнатович, Ф. И. Жизнь и деятельность в Гродно врача и линг-виста Л.М. Заменгофа: К 125-летию языка эсперанто. [Электронный ре-сурс]. URL: http://www.grodno.by/grodno/history/biblio/ludwik_zamenhof.html.

13. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века / Сост. прот. Н. Е. Стремский : В 3 кн. – Оренбург : Оренбургское книжное изд-во, 2000. – Кн. 3.

14. Патлань, Ю. По следам трех открыток сибирского священника Иннокентия Серышева / Ю. Патлань // Научно-культурологический журнал. №8 [296]. 01. 07. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4283&level1=main&level2=articles>.

15. Серафим (Роуз), иеромон. Православие и религия будущего –. М. : Изд. дом «Русский паломник» ; Валаамское Общество Америки, 2016.

16. Хисамутдинов, А. А. Иннокентий Серышев – востоковед и эсперантист // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – №2. – С. 135–138.

17. Хохлов, А. Н. Священник-ориенталист Иннокентий Серышев и его просветительская деятельность (Из истории востоковедения русского зарубежья) // Вестник церковной истории. – 2006. – № 2. – С.198–213.

18. Innokentij Serishev. Babilado // La Brita Esperantisto. – 1911. – Vol. VII. – № 73 (januaro). – P. 11–12.

АРХІПАСТЫРСКІЯ ВІЗІТЫ ГРОДЗЕНСКАГА ЎЛАДЫКІ: ЭПІЗОДЫ ЦАРКОЎНАГА ЖЫЦЦЯ МІЖВАЕННАГА ЧАСУ (1930 г.)

*П. Ю. Булаты
(Мінск, Беларусь)*

Архіпастырскія візіты – пашыраная форма пастырскай апекі і кантролю, вядомая ў традыцыі хрысціянскай царквы са старажытных часоў. Візіты архіпастыраў у прыходы ажыццяўляліся з пэўнай перыядычнасцю. У практыцы Праваслаўнай Царквы пад час аб’езду епархіі епіскап, як правіла, удзельнічаў у саборным богаслужэнні, рабіў натхнёныя казанні. Візіты прадстаўнікоў епіскапату мелі як адміністрацыйныя мэты, так і мэты духоўнай апекі і ўзмацнення духу паствы: наведванне архіпастыра станавілася вялікай і значнай падзеяй жыцці мясцовай супольнасці.